

РЕАЛИЗМ АНАЛИЗА – ИСХОДНОЕ УСЛОВИЕ НАУЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВНОСТИ

(СОДОКЛАД)

*Владимир Глаголев**

За четыре с лишним десятилетия работы на кафедре философии Университета мне неоднократно приходилось участвовать в обсуждении докладов, статей и выступлений, содержащих разнообразные концептуальные позиции. Иногда я разделял их полностью, иногда – частично, а иногда и не разделял вовсе. Как правило, их авторами были либо люди, занимавшие сходное с моим статусное положение, либо претенденты на соискание ученых степеней, по отношению к которым приходилось выступать оппонентом или рецензентом. Либо это были представители других структур, близких по роду своих функций к функциям нашей кафедры философии, но находящихся «под» своим начальством. Поэтому чувство «вертикали власти» обычно мало влияло на мое положение содокладчика и оппонента. Обсуждение публикации профессора Р.В. Енгибаряна – случай особый. Прежде всего, потому, что, занимая пост руководителя одного из подразделений МГИМО(У), он считал возможным лицом к лицу общаться с обсуждающими его статью. Дискутировать «глаза в глаза» всегда интересно. Тем более, когда обсуждаешь работу признанного ученого и страстного патриота.

В то же время, известна мудрость А.К. Толстого в его поэтической пародии «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (министр внутренних дел при царе Александре II): «Ходить бывает склизко / По камушкам иным: / О том, что очень близко, / Мы лучше - помолчим».

В данной ситуации проще всего было бы пойти по апробированному пути комплиментарных формул и уклончивых суждений, - закончив их выводом о непреходящей политической, научной, культурной и поистине светоносной ценности обсуждаемой публикации. С учетом этических ограничений, налагаемых присутствием в зале дискуссии большого числа студентов, магистрантов и аспирантов, такой путь можно было бы считать оптимальным для дальнейшего повышения престижа как автора статьи, так и его содокладчика. Равно как и других участников обсуждения. Однако при повторном использовании этого лекала дискуссии ее эффект резко бы снизился. Согласно С.В. Михалкову, лев - царь зверей - «обожал подхалимаж...». Полагаю, что масштаб личности профессора Р.В. Енгибаряна исключает столь упрощенный набор риторических приемов.

Все же начнем с одного из них, вспомнив бессмертный голос за кадром в любимом фильме советского народа: «Штирлиц знал, что запоминается последнее...». В обсуждаемой статье таким является острый вопрос: «Но разве где-нибудь может быть лучше жить, чем в России?»¹.

Отдавая должное непосредственности гражданского пафоса Роберта Вачагановича, позволю себе обратить внимание участников обсуждения на странную деталь. В наших ОБИРах нет потока заявлений от граждан стран ЕС о принятии ими российского гражданства. Равно как не наблюдается наплыва заявлений подобного рода от граждан США, Японии, Израиля... Единичные

* Глаголев Владимир Сергеевич, профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России

случаи перемены гражданства по тем или иным основаниям не могут служить базой для социологического обобщения, утверждающего устойчивую привлекательность экономического климата России, условий научно-технической и педагогической деятельности, а также бытовых условий для значительного числа выходцев из развитых стран. Разумеется, соображения делового партнерства и искусственно создаваемых льгот и привилегий для ученых в Сколково и некоторых других научно-исследовательских и университетских центрах играют определенную роль в отдельных точках огромной страны.

Напомню, что наши высшие руководители еще до начала избирательной кампании в Думу выдвигали в качестве приоритетной задачи превращение России в процветающую страну, признавая тем самым недостаток «процветания» в настоящее время. «Лучше всего жить» в России в настоящее время, в отличие от будущего, - могут, к сожалению, лишь отдельные категории сограждан, совокупная численность которых невелика по отношению к 142 млн. российских граждан. Эксперты отмечают, вместе с тем, высокую степень зависимости российской экономики от цен на нефть и газ на мировых рынках. Считается, что реализацию намеченных программ сохранения и повышения благосостояния населения может обеспечить сохранение цен на нефть около 100 долларов за баррель. Поскольку российская доля мирового экспорта нефти в настоящее время составляет около 5%, это, естественно, сводит к минимуму возможности страны определять ценовую политику в периоды относительно стабильного развертывания мировой торговли энергоносителями.

Доля эта не может резко увеличиться и в ситуациях экстремального изменения направления и объема потоков поставки нефтепродуктов из-за сложившихся лимитов производственных мощностей российской нефтедобывающей промышленности и трудностей ее модернизации по ряду обстоятельств. Ограничены российские возможности резкого увеличения экспорта необработанного леса, цветных и редкоземельных металлов и других традиционных предметов экспорта. В свою очередь, упование на длительное

сохранение высоких цен на нефть относится скорее к области мечтаний, чем к реальным основаниям расширения источников финансирования российских крупномасштабных и долгосрочных экономических, военно-технических и социокультурных проектов. Поэтому о привлекательном образе России среди населения развитых стран мира приходится говорить, тщательно подбирая выражения. В этом, собственно, и состоит одна из повседневных задач нашей дипломатической службы, призванной обеспечивать как геополитические интересы Отечества, так и развитие цивилизованных форм многопланового и многоуровневого международного сотрудничества. Риски девальвации намерений и обещаний в отношениях с внешнеполитическими партнерами чреваты сокращением зоны доверия и утратой взаимопонимания. Убедительнее всего в этих условиях оказывается устойчивый успех каждого реализованного проекта, направленного на развитие экономического потенциала страны и ее социокультурной сферы. Здесь есть над чем подумать всем россиянам, - особенно в условиях модернизации и внедрения перспективных инноваций.

Обращаясь к проблеме «С чего начинается личность», позволю заметить, что личность не только *формируется* национальностью, гражданством и государством. В процессе своего формирования она обретает способность к рефлексии. Эта способность - неременное условие постижения свободы и приобщения к ней в ее (вначале) внутренних измерениях. При реализации же во внешнем мире свободно принятых решений приходится постоянно учитывать сочетание и переплетение самых разнообразных объективных факторов и считаться с ними как с неизбежностью. Здесь способность к свободе рефлексии и духовной апробации разнообразных моделей видения внешнего мира, социума и самого себя - исходная база выработки и принятия будущих решений об оптимальных способах действия в любой из областей.

В данной связи уместно задуматься над некоторыми проблемами современного Государства Российского, с которыми наши граждане связаны кровными и гражданскими, прямыми и косвенными узами. Например, в последнее

время в российской и международной прессе обсуждается идея о целесообразности для России скупить долговые обязательства Испании. Считается, что при этом могут быть достигнуты, как минимум, три цели. Во-первых, будет проявлена способность России влиять на процессы, развертывающиеся в Евроразоне; во-вторых, возникнет возможность поддержки со стороны испанского делового и политического мира российских проектов в европейском направлении; в-третьих, будут продемонстрированы серьезные позиции России в рамках БРИКС. Тем более, что Китай давно и активно скупает долговые обязательства за рубежом.

В то же время аналитики считают, что будут куплены «мусорные облигации», т.к. из-за недостатка инвесторов в Испании существует реальный риск не получить ничего по купленным бумагам. В случае же компенсации долга через 2,5 – 3 года, т.е. в 2014 году, эти долговые бумаги будут иметь доходность в пределах 3,5%. К тому же, скупая долговые обязательства за рубежом, Россия потратит средства и сократит возможности инвестиций в собственную экономику. На фоне высоких цен на нефть данная операция не представляла бы особой проблемы, как и поддержка, оказанная Россией Исландии и Кипру, анонсированный заем Венесуэле. А если высокие цены на нефть не сохранятся в ближайшие годы?

Мир, как известно, в настоящее время переживает структурный кризис. Этот кризис поставил под сомнение либеральную модель государственного управления. По логике этой модели, государство служит не нуждам своих народов, а потребностям глобальных рынков, - т.е. крупнейших международных корпораций, которые монополизировали эти рынки. В какой мере российское государство приняло активное участие в реализации этой модели за последние 20 лет? Судя по оттоку за рубеж российских капиталов и специалистов, по судьбе российского Стабилизационного фонда и по ряду других признаков, участие это имело место. Его трудно отрицать, если не утратить зрение и способность к самостоятельному анализу, совесть и навыки психологического дистанцирования от зомбящихся.

Либеральная модель оказалась беспомощной в условиях высокой коррупции и монополизма, когда даже резкий рост цен на нефть сопровождался в России падением уровня жизни, простотом на два миллиона числа нищих и постоянным сетованием на нехватку денег на социальное жилье, здравоохранение, образование и культуру. То есть – на жизненные нужды народов России. Лишь отказ от основной установки либеральной модели может создать исходные, т.е. духовно-идеологические предпосылки к реализации национальной идеи нашего Отечества. Разумеется, при этом не имеется в виду отказ от прозрачности государственно-общественных отношений, развертывания демократических механизмов государственного управления и политики социального государства как зоны неотъемлемых прав человека.

Поскольку 20 лет назад народы России пережили «ампутацию по живому», стержень национальной идеи на предвидимое будущее может быть только один - сбережение народа. Первоначально эта идея была сформулирована П.И. Шуваловым, елизаветинским вельможей XVIII века. Ряд лет после своего возвращения в Россию ее популяризировал А.И. Солженицын в качестве первоочередной задачи политики возрождения страны².

Сбережение народа означает, в первую очередь, политику, избегающую военных конфликтов как во внешнеполитической сфере, так и в области внутренних межнациональных и национально-религиозных отношений. Во-вторых, разумную политику сокращения затрат бесценного дара - человеческого времени - на функционирование граждан в предельно бюрократизированном государственно-правовом пространстве. Повышение производительности труда означает, вместе с тем, сокращение затрат человеческого времени на единицу производимой продукции, на реализацию государственных, социальных и иных проектов. Рационализация отношения ко времени и, как следствие, сокращение объема хронофагии, - одно из направлений освобождения внутреннего - интеллектуального, психологического времени граждан России для содержательной общественно значимой деятельности.

В-третьих, сбережение народа означает последовательное проведение системы мероприятий в сфере экологии и здравоохранения, способствующих не просто продлению продолжительности человеческой жизни, но и удлинению в ней периода содержательного творческого труда. Этой задаче посвящен, в частности, третий том фундаментального труда проректора по научной работе МГИМО(У) проф. А.И. Подберезкина «Национальный человеческий Капиталь» (Москва, 2011)³.

Наконец, в-четвертых, идея сбережения народа предполагает долгосрочную и последовательную политику в демографической области, обеспечивающую сохранение и воспроизводство этнического генофонда страны – природной, то есть биологической основы разнообразия способностей и талантов, обеспечивающих симфонию российской культуры.

Содержательная емкость формулы «сбережение народа» позволяет скоординировать намеченные в этом направлении социальные программы в едином российском социальном пространстве и социальном времени⁴.

В-пятых, программа сбережения народа включает создание условий для достойной старости тех, чей жизненный путь в основном пройден и основные силы отданы российскому социуму. Если государство будет редуцировать свои обязательства перед российскими пенсионерами, оно неизбежно столкнется с последствиями кризиса семьи и продолжением подрыва своего престижа на уровне этой исходной ячейки любого общества. Дело не только в глубоком разочаровании основной массы российских пенсионеров, но и в ориентации ими подрастающего поколения на асоциальные и негативистские образы государственной власти. Продолжение воспроизводства таких образов при сохраняющихся условиях будет сопровождать углубление пропасти между богатством и бедностью в России и способствовать дальнейшему увеличению дистанции между государством и народом. «Точка невозврата» здесь – поведение государственных структур в роли завоевателей в собственной стране и, как следствие, отказ населения в поддержке любым, даже самым здравым, государственным начинаниям. Судьба

советской власти в 1991 году решилась благодаря именно такому отношению к государству: кризис доверия перешел в утрату «мандата на легитимность».

Другой аспект отношений личности, общества и государства – национальный. В статье Роберта Вачагановича справедливо отмечено, что полинациональность создает благоприятные предпосылки динамики во всех направлениях общественной жизни. Наряду с этим кажется недостаточно обоснованным положение, что современные мононациональные государства, сложившиеся после Второй мировой войны, отягощены, как правило, грузом неразрешимых и все более усугубляющихся проблем. Конечно, есть все основания сочувствовать трудностям, переживаемым монокультурным японским государством, – особенно на фоне недавней катастрофы АЭС Фукусима. Как известно, особый мононациональный статус получило при своем создании по решению ООН государство Израиль: трудности сопровождают его все время его существования. Не следует, однако, придавать подобным трудностям апокалиптический характер. Состояние науки, культуры и влияние на мировую политику упомянутых стран свидетельствует об их способности достаточно успешно плыть в океане проблем.

Несомненен подъем национализма – как на почве претензий народов стран, не попавших в «золотой миллиард» и теряющих с каждым десятилетием надежду оказаться в круге «избранников судьбы», так и в условиях противодействия националистическим устремлениям иммигрантов сплоченных представителей коренного населения в странах «золотого миллиарда». Националистические настроения в России питаются одновременно из двух источников. С одной стороны, неприятие исторически сложившегося образа жизни коренных народов страны прибывающими в регионы их обитания, тенденции вытеснения их из сферы управления финансами, административным ресурсом и системой инициативных посреднических услуг. С другой стороны, события на Манежной площади и в региональных точках, получившие общероссийскую и даже мировую известность в последнее время, говорят о противоправных попытках органи-

зации отпора этим тенденциям со стороны коренных обитателей российских местностей.

В течение последних 20 лет вытеснение коренных обитателей с территории субъектов Федерации, расположенных на Северном Кавказе, из ряда стран СНГ и Прибалтики, активизировало чувство глубокой неудовлетворенности миллионов людей. «Пожарные способы» локализации столкновений на этой почве сочетаются с заклинаниями, утверждающими стабильность межнационального сотрудничества в качестве существующей действительности, - а не приоритетного проекта, рассчитанного на реализацию в будущем. Сообщения, появившиеся в прессе за последнее время, о рекордных темпах технического переоснащения российских частей и подразделений, размещенных на Северном Кавказе (самых высоких в стоимостном и организационно-техническом воплощении), говорят о том, что подобные заклинания сочетаются, как и следовало ожидать, с системой военно-профилактических мероприятий. С учетом исторически сложившейся инфраструктуры, опыта двух чеченских войн в 1990-х гг., авантюристической политики грузинского руководства, инициируемой М. Саакашвили и его заокеанскими покровителями, а также планов военно-политической активности США и блока НАТО на Кавказе, данные мероприятия представляются своевременными и обоснованными.

При этом происходит перераспределение акцентов в функциях российских вооруженных сил и заметное смещение их в сторону, прежде всего, нестабильных кавказских точек. Возникает вопрос: не вызывает ли подобная переакцентировка риска ослабления оперативно-тактических возможностей российской армии на других направлениях? С другой стороны, публикуемая статистика о состоянии преступности в стране поставила некоторые республики северокавказского региона в промежуток между зарегистрированными показателями преступлений на полуострове Ямал и республикой Алтай⁵.

Является ли подобный показатель результатом эффективных административно-полицейских и профилактических военных мер? Или же в сводках соответствующих инстанций

не регистрируется часть преступных деяний, осуществляемых одной частью коренных жителей Северного Кавказа по отношению к другой их части?

Мигранты из ближнего и дальнего зарубежья, равно как и внутрироссийские мигранты, рассчитывают, в первую очередь, на помощь родственников, друзей, соратников по предыдущей жизни в точках постоянного пребывания. Это понятно: приезжие поначалу не чувствуют себя уверенно на новых местах. Значительная часть мигрантов прибывает из районов с доминированием сельскохозяйственного сектора, сохранивших черты традиционных укладов. В последних кумовство, кунакство, тейпы и кланы, - равно как и разного рода религиозные объединения (тарикаты, общины), занимают влиятельные позиции. Данные структуры обеспечивают укрепление и расширение позиций иммигрантских диаспор в новых условиях. Как правило, в полифункциональных проявлениях взаимоподдержки членов диаспоры на первый план выступает защита интересов членов диаспоры за счет позиций окружения⁶. Последнее включает как другие диаспоры иммигрантов, так и коренное население, окружающее анклав диаспор. Происходит многоазимутное перетягивание «одеяла» экономического, социокультурного и бытового успеха более организованными диаспорами, - как за счет менее организованных, так и за счет жителей, исторически ориентированных на внеклановые способы социальности.

Лидерам диаспор не хватает, как правило, способности смотреть поверх клановых и этнонациональных барьеров. Между тем, такая способность важна для решения ключевых проблем развития самих диаспор и их интеграции в более широкую систему социумных отношений. Одним из исторических примеров подобной дальновидности может служить обсуждение проблемы выбора официального языка в ходе войны за независимость в США. Согласно одному апокрифу, представители англоязычной и немецкоязычной диаспор в Конгрессе США имели равное число голосов. Решение о том, что официальным языком будет английский, прошло большинством в один голос. И это был голос немца⁷. Такое решение оказалось

удачным с точки зрения перспективы пополнения населения США выходцами с Британских островов и из британских колоний. Напротив, ресурсы немецкоязычного пополнения американского населения были ограничены.

Другим примером может служить история освоения среднеазиатских, северокавказских и закавказских территорий Российским государством, систематически создававшим условия для приобщения к образованию местного населения. Как известно, поощрялась подготовка административных, преподавательских, научных и медицинских кадров из числа тех представителей местного населения, которые были готовы к сотрудничеству с имперскими структурами. Советская власть расширила этот путь во всех сферах хозяйственной и социокультурной деятельности, создав в каждой из союзных республик многочисленные кадры местной интеллигенции. Последняя со временем стала влиятельнейшим фактором воздействия на местную кадровую политику. Ослабление лояльности к Центру происходило на фоне подбострастнейших, а подчас и уничижительных демонстраций готовности «слушаться Москву». «Для нас солнце восходит на севере», - говорил один из закавказских партийных лидеров. Будущие историки еще займутся раскрытием роли клановых механизмов и динамики их балансов в разрывании центробежных тенденций при Л.И. Брежнев и его преемниках. Именно они подготовили и идеологически обосновали распад СССР.

Этноклановые механизмы полифункциональны и способны создавать неожиданные феномены. Приведу один пример. Во время абхазо-грузинской войны 1991-1992 гг. командир одного из абхазских подразделений обнаружил у двух своих бойцов челюсти с золотыми зубами, изъятыми у погибших - то ли противников, то ли мирных жителей. Он приказал этим подчиненным выйти на десять шагов перед строем. Затем последовал вопрос: «Вы знали, что мародерство карается расстрелом?!» - «Знали», - ответили виновные. После чего командир собственноручно расстрелял их из автомата. Поскольку кровная месть за убитых родственников сегодня вновь стала реальностью в некоторых районах Кавказа, родным расстрелян-

ных было отправлено извещение, в котором сообщалось, что убитые погибли как герои за свободу Республики... Эти извещения, снимая с клана пятно позора, одновременно служили охранной грамотой для командира: мстить ему означало признать факт мародерства со стороны родичей и тем самым опозорить фамильную честь. Примеры столь парадоксальной логики поведения этнических кланов многочисленны и исключительно вариативны.

История этнических сообществ учит, что клановая защита часто компенсирует слабости защиты государственной. А иногда и подменяет ее. Она всегда более «теплая», поскольку эта защита «своих - своими»⁸. На этой почве расцветают организованные преступные группы, в которых ключевые роли играют братья по крови или по зоне⁹. Нетрудно заметить, что сотрудничество кланов может носить транснациональный и трансгосударственный характер, создавая тем самым благоприятные условия для международного криминала и международного терроризма как его глобального проявления¹⁰.

С другой стороны, кланы стремятся инкорпорироваться в государственные и социальные структуры, разворачивая их деятельность в собственных интересах, равно как и в интересах более отдаленных сородичей. В результате исполнение представителями кланов государственных и общественных функций выстраивается по азимутам, создающим благоприятные условия, прежде всего, для этих групп. Разумеется, в ход идет демагогия о защите незыблемых основ государства, конституционных гарантиях (интерпретируемых как гарантии, прежде всего, для «своих» кланов и «своих» диаспор), «подковерная» дискредитация соперников и тому подобные приемы. Со временем складывается дилемма: либо кланы освоят государственные и общественные рычаги манипулирования, либо государство проведет санации ради сохранения своих общесоциумных функций.

Принципы функционирования современного государства как суперэтнической общности подвергается испытаниям на прочность, особенно в условиях полиэтничности, поликультурности и полирелигиозности, которые могут полноценно функционировать лишь

как симфония. Преодоление хронически воспроизводимой рассогласованности и угроз государственной целостности предполагает строго фиксированные позиции каждого из участников симфонического действия и немедленные санкции (в самом широком диапазоне) при попытках их нарушения. Здесь юридические меры, включая совершенствование и исполнение законодательства, приходится сочетать с использованием моральных регуляторов,

религиозного осуждения, критики с аксиолого-культурных позиций и прочее.

В заключение считаю приятной обязанностью поблагодарить Роберта Вачагановича за опубликование и организацию обсуждения его статьи, вызывающей активизацию размышлений над сложными и многовекторными проблемами современности и стремление к поиску их оптимальных разрешений.

REALISM OF ANALYSIS – A STARTING PRECONDITION FOR SCIENTIFIC EFFECTIVENESS

V. Glagolev,
Professor, Department of Philosophy,
MGIMO(University) under the Ministry for
Foreign Affairs of Russia

Литература:

¹ Енгибарян Р.В. С чего начинается личность. Национальность, гражданство и цивилизация: три фактора формирования человека // Независимая газета. 26 сентября 2011. С. 9.

² Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Раздел «Самоограничение» // Комсомольская правда. 18 октября 1990. С. 35.

³ Подберезкин А.И. Национальный человеческий Капиталь. М., 2011.

⁴ См.: Глаголев В.С. В поисках национальной идеи России / Славянский мир: история и современность. Материалы второй международной научной конференции. 20-21 мая 1997 г. Уральский гуманитарный институт. Пермь, 1997. С. 4.

⁵ См.: Подберезкин А.И. Национальный человеческий Капиталь. С. 134.

⁶ Connor W. Nationalism and Political Illegitimacy // Ethnonationalism in the Contemporary World / Daniele Convergì Ed. London; New York: Routledge, 2003. P. 24-50.

⁷ Копелев Л. Утоли моя печали. М., 2011. С. 356.

⁸ Мнацаканян М.О. Нации в современном глобальном мире. Модернистские, конструктивистские и постмодернистские теории. М., 2011. С. 226.

⁹ Мелешкина Е.Ю. Формирование территориальных политий в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной осетии и Приднестровье / Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности. Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшевой. М., 2011. С. 116-117.

¹⁰ См.: Малашенко А.В. Ислам для России. М., 2007.